

К.В. Бондарь

кандидат филологических наук

Сатира как средство полемики в «Повести о Дракуле»

«Повесть о Дракуле» – одно из самых необычных произведений средневековой литературы, связанное с истоками русской беллетристики. До второй половины XV века тексты внецерковных жанров были, как правило, переводными («Александрия», «Сказание об Индийском царстве», «Повесть об Акире Премудром» и др.). В переломную эпоху истории России светская повесть зарождается в среде образованной прослойки интеллектуалов-книжников. Как считал один из ведущих исследователей памятника Я.С. Лурье, «Повесть о Дракуле» возникла в результате знакомства русского слушателя, вероятно, влиятельного дьяка при дворе Ивана III Федора Курицына, со сказаниями о Владе Цепеше – молдавском господаре, отличавшемся свирепой жестокостью. Общим источником русского, немецкого и венгерского рассказов о Дракуле был не письменный памятник и вообще не какое-либо единое произведение, а ряд преданий или анекдотов, сложившихся еще при жизни изверга. Сохранился древнейший список памятника – т.н. Кирилловский 1490-91, принадлежащий перу знаменитого переписчика, кирилло-белозерского монаха Ефросина (в колофоне рукописи указывается, что данный список является вторым у писца, а предыдущий был написан за пять лет до этого). Известно, что Курицын прибыл в Москву после поездки в Венгрию и задержки турецкими властями в Аккермане в середине 1485 г., так что Ефросин переписал повесть фактически сразу после ее создания. Все цитаты из текста даются ниже по Кирилловскому списку.

Необычная композиция (отдельные эпизоды-анекдоты), поэтика (вместо обычного для древнерусской литературы прямолинейного дидактизма – косвенность) и, особенно, идеология повести тесно связаны с конкретными обстоятельствами эпохи. Дьяк Курицын был главой московского кружка вольнодумцев, которому покровительствовал сам великий князь, а идеология еретиков соперничала с набиравшей силу доктриной «иосифлянства», обоснованной игуменом Волоколамского монастыря Иосифом Волоцким и ставшей позже государственной внутривосточной линией. В свое время были предложены две концепции, объясняющие смысл «Повести о Дракуле»: либо это апология «зломудрого» князя, исходящая из официальных кругов (Л.В. Черепнин), либо памфлет против него из рядов феодальной оппозиции (А.А. Зимин). Я.С. Лурье предложил третью, связав идеологию повести с макиавеллизмом, и мы, в свою очередь, попытаемся показать ее глубокую полемичность по отношению к официальной доктрине, выраженную сатирическими средствами. Прежде всего, еретики никогда не были противниками великокняжеской власти. Особенно близко к ней стояли именно московские еретики, к которым относился Курицын («того бо державный во всем

послушаше», писал Иосиф Волоцкий). Русская повесть содержит значительно меньше рассказов о бессмысленных жестокостях Дракулы и больше эпизодов, где поведение Дракулы мотивировано и иногда даже вызывает одобрение; русская повесть наиболее снисходительна к «мутьянскому» князю. Жестокость Дракулы находит параллели в «Государе» Макиавелли: «новый князь не может соблюдать все, что дает людям добрую славу, так как он часто вынужден ради сохранения государства поступать против верности, против любви к ближнему, против человечности, против религии». Важнейшим политическим средством для него являются «хорошо примененные жестокости», писал флорентийский мыслитель. Эти «хорошо примененные жестокости» Дракулы в повести как бы располагаются по степени их государственной важности в убывающем порядке. Можно отметить противоречие между «иосифлянским» и противостоящим ему отношением к царской власти:

Иосиф Волоцкий пишет: «Аще ли же есть царь, над человеки царствуя, над собою же имат цар

Автор «Повести о Дракуле» вовсе не скрывает дьявольского окаянства мутьянского воеводы, но

Налицо еще ряд моментов, в которых проявляется скрытая и явная полемика с идейной направленностью «иосифлян»:

Иосиф проповедует «нищелюбие»: «Беседуя нищему, да не оскръбиши его...», «алчнаго накрьм

Поведение Дракулы в повести выглядит как злая пародия на этот совет Иосифа: Дракула и нак

Иосиф Волоцкий осуждал «глумы» и насмешливое отношение к жизни. «Да будет ти горько непереносно».

Именно об этом писал И.П. Еремин: «Смех здесь (в древнерусской литературе – К.Б.) был бы неуместен».

Наиболее яркая особенность Дракулы – его мрачная и неожиданная шутливость. Именно она в «Повести о Дракуле».

Так, Дракула обещает турецкому царю «прийти к нему на службу» - царь ничего не подозревает.

Взгляды иосифлян осуждаются прямо: «да почто ты из монастыря и ис келии своя ходиши по миру».

Именно этот дьявол, сажавший людей на кол, добивался в повести Курицына того, чего не могли сделать другие.

Важнейший мотив повести – испытание попавших в руки Дракулы людей. Испытывается мудрость собеседника, чаще всего средством испытания служит загадка, имеющая метафорический смысл, и сатира кроется в столкновении буквального и иносказательного смысла этих загадок. Вспомним, что именно так строится месть Ольги древлянам в «Повести временных лет». Важна роль загадок в «Повести об Акире» и «Повести о Басарге». В «Повести о Дракуле» косвенность изложения еще только намечается, отдельные неожиданные черты главного персонажа еще не складываются в единый образ.

Судьба самого Федора Курицына (смутные обстоятельства опалы и дальнейшей судьбы) ярко показывает саму природу грозной власти, за которую выступал сановный еретик. Ирония истории заключается в том, что, будучи изгнана из рукописной традиции в начале XVI века, «Повесть о Дракуле» вернулась в нее после Смутного времени, сблизилась по языку и стилю с народным творчеством, но заметным явлением русской

литературы не стала. Даже сходство с плутовской повестью не повысило интереса к ней: в эту эпоху теряет привлекательность идея сильной царской власти, «благой тирании». На смену ей приходит идея народного суверенитета и естественных прав человека.